

На правах рукописи

Тумээ Одончимэг

**ВОСПРИЯТИЕ И ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ
ЭМОТИВНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЗНАКОВ
НОСИТЕЛЯМИ РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВ
(на материале русского и монгольского языков)**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Кемерово - 2013

Работа выполнена на кафедре русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Алтайская государственная академия образования имени В.М.Шукшина»

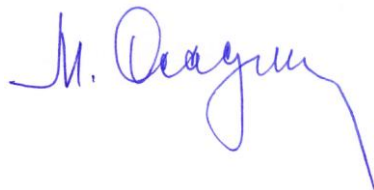
Научный руководитель:	ТРОФИМОВА Елена Борисовна, доктор филологических наук, профессор
Официальные оппоненты:	РЯБОВА Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии № 1 Кемеровского государственного университета НАГЕЛЬ Ольга Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета
Ведущая организация:	Бюджетное научное учреждение Республики Алтай «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»

Защита состоится «03» апреля 2013 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.088.01 в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» по адресу: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Кемеровского государственного университета.

Автореферат разослан 25 февраля 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. А. Осадчий

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению особенностей окказиональной вербализации эмотивных составляющих невербальных знаков различной природы носителями разносистемных языков.

Отражение эмотивности в языке является одной из сложных проблем современной лингвистики. Это объясняется тем, что, с одной стороны, сами эмоции как психический феномен человека чрезвычайно сложны, а с другой – исследование эмотивности в языке может осуществляться разными способами.

Исследованием эмоций занимается эмотиология. Данная наука относится к числу междисциплинарных, поскольку в исследовании сущностных свойств эмоций принимают участие специалисты в области философии, психологии, социологии, физиологии высшей нервной деятельности, лингвистики. Исследование эмоций в настоящее время является актуальной проблемой благодаря утверждению антропоцентрического подхода к изучению языка.

Интерес к проблеме изучения эмоций в лингвистике сформировался в русле психолингвистического и когнитивного направлений. Разностороннему изучению подвергается система эмотивных знаков и концептов с разным эмотивным наполнением: рассматривается общая лингвистическая теория эмотивности (В. П. Шаховский); изучается эмотивная лексика (Е. Ю. Мягкова, А. В. Цыбулевская); описывается языковая репрезентация эмоций (Л. Г. Бабенко, С. Ю. Перфильева, Д. А. Романов, Е. Ю. Кабановская); исследуется категория эмотивности в тексте (С. В. Ионова, А. В. Кинцель, О. Е. Филимонова, И. В. Оспанова); рассматриваются эмотивные явления в речевой коммуникации (М. Д. Городникова, Л. А. Пиотровская), объясняются механизмы вербализации эмоций (Ф. К. Колпащикова, Е. Б. Трофимова) и др.

Исследование окказиональной вербализации эмотивных составляющих невербальных и вербальных знаков разноязычными носителями – очередной этап в работе Лаборатории антропоцентрической типологии, организованной десять лет назад при БПГУ им. В.М. Шукшина.

Первые итоги изучения окказиональной вербализации отражены в коллективной монографии, где в качестве объектов, выполнявших роль стимулов в процессах порождения и восприятия в экспериментальных условиях, использовались неноминированные единицы – различного рода шумы, вызванные взаимодействием каких-либо объектов, а также незвуковые сигналы – нестандартные цвета и геометрические фигуры. Под *окказиональной вербализацией* в работе понимается процесс оязычивания сигналов любой природы носителями того или иного языка в условиях психолингвистического эксперимента (Е. Б. Трофимова).

Проведение исследований в данном направлении показало, что окказиональная вербализация в значительной степени опирается на языковой иконизм.

Реферируемая работа направлена на выявление степени проявленности иконизма в процессах непосредственной вербализации и восприятия сигналов, содержащих эмотивную составляющую, что поможет лучше понять природу эмотивности, пронизывающей все сферы жизнедеятельности человека и проявляющейся как на уровне подсознания в форме спонтанного порождения и восприятия, так и на уровне метаязыкового сознания.

Актуальность реферируемого исследования обусловлена его включенностью в современную антропоцентрическую парадигму, в рамках которой определяются новые подходы к изучению проблем эмотивности, рассматривается специфика перцептивных процессов у носителей разноструктурных языков, изучаются универсальные и внутриязыковые механизмы, регулирующие восприятие неречевых сигналов.

Объектом диссертационного исследования являются процессы вербализации и восприятия эмотивных составляющих невербальных знаков различной природы носителями разносистемных языков.

Предмет исследования – стратегии процессов порождения и восприятия окказиональных единиц.

Материалом для данного исследования послужили:

1) фото-стимулы, отражающие эмоциональные состояния человека, и музыкальные фразы, неизвестные информантам;

2) псевдослова, полученные в результате эксперимента и послужившие стимулами для экспериментов на восприятие окказиональной вербализации (общее количество псевдослов – 1681, из них 931 было получено при восприятии фото-стимулов, 750 – при восприятии музыкальных фраз).

Цель данной работы состоит в выявлении закономерностей процессов вербализации и восприятия эмотивных составляющих невербальных знаков различной природы носителями разносистемных языков.

В соответствии с заявленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

1) систематизировать основные положения исследования эмоций в различных областях знания, определить эмотивность как лингвистическую категорию, дать анализ проблем, связанных с процессами речепорождения;

2) отобрать стимульный материал (как самих эмоций, так и их презентаций в виде фото-стимулов и музыкальных фраз);

3) определить особенности восприятия стимулов носителями разносистемных языков по результатам психолингвистических экспериментов;

4) провести анализ полученных в экспериментах псевдослов, т. е.: а) выявить закономерности их звукобуквенной организации в зависимости от стимулов, б) соотнести частотность звукобукв в экспериментальных условиях и в узузе; в) установить, какие стратегии используют информанты в процессе окказиональной вербализации;

5) выявить фоносемантические характеристики русских псевдослов с помощью программы «ВААЛ», определить фоносемантические характеристики монгольских псевдослов по результатам психолингвистического эксперимента;

6) верифицировать результаты, полученные в ходе прямого эксперимента на носителях монгольского и русского языков, путем обратного эксперимента;

7) дать описание и интерпретацию результатов экспериментального исследования.

Специфика поставленных задач обусловила использование следующих **методов и приемов** исследования:

1) методика вербализации эмоций в форме псевдослов, использованная в ходе психолингвистических экспериментов;

2) модифицированный метод семантического дифференциала, представленный в программе «ВААЛ», применённый для исследования отражения эмотивной составляющей в окказиональных языковых единицах;

3) элементы количественного анализа, введённые для обработки результатов экспериментов;

4) метод системно-структурного анализа, позволивший установить характер звуковой организации псевдослов.

Новизна работы состоит в том, что в ней исследуется проблема окказиональной вербализации эмотивных составляющих на материале фото-стимулов и музыкальных фраз; определяются основные стратегии восприятия эмотивных единиц и их окказиональной вербализации в межкультурном пространстве; выявляются особенности перцептивных характеристик звуковых единиц монгольского и русского языков при восприятии иноязычными носителями.

Теоретическая ценность работы состоит в уточнении представления об особенностях проявления иконических свойств при окказиональной вербализации эмотивных составляющих невербальных знаков. Кроме того, на новом материале верифицирована сама методика исследования окказиональной вербализации.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в преподавании курсов «Теория языка», «Психолингвистика», спецкурсов

«Теория и практика лингвистических методов», «Теория и практика когнитивных исследований», а также в теории и практике межкультурной коммуникации.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Носители русского и монгольского языков используют аналогичные стратегии при восприятии и окказиональной вербализации эмотивных составляющих невербальных знаков различной природы.

2. Восприятие эмоций и характер проявления иконизма в условиях эксперимента зависят от природы самого стимула.

3. В процессе окказиональной вербализации стимулов разной природы, содержащих эмотивную составляющую, проявляются системные закономерности родного языка испытуемых.

4. Процесс соотнесения псевдослова с эмоцией вызывает меньшее затруднение у носителей языка, по сравнению с определением его связи с самим стимулом, что обусловлено, по-видимому, наличием в псевдослове внутриязыковых эмотивных признаков.

5. Оpoznанию псевдослов иноязычными носителями способствует присутствие межъязыкового иконизма.

Апробация работы. Основные результаты и содержание исследования обсуждались на следующих научных мероприятиях: «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания» (Бийск, 2010, 2012 г.); «Актуальные проблемы современного словообразования» (Кемерово, 2009 г.); «Язык, культура и межкультурная коммуникация» (Ховд, Монголия, 2008, 2010, 2012 г.); «Природные условия, история, язык и культура Западной Монголии и сопредельных регионов» (20-21 августа 2011 г. Ховд-Томск); «Культура, язык, институты гражданского общества коренных народов России: возрождение, сохранение и развитие в этнокультурном контексте Сибирского региона» (Бийск, 2011 г.). Апробация работы проводилась на научных семинарах Ховдского университета, а также на Летней лингвистической школе (Кемерово, 2010 г.).

Работа поддержана грантами РГНФ и МинОКН Монголии №08-04-92301a/G «Окказиональное порождение и восприятие эмотивных составляющих невербальных знаков носителями монгольского и русского языков» и №11-23-03553e/Мон «Эволюция монгольского и русского этносов: социокультурный, языковой, морфофункциональный и психофизиологический аспекты (полевые исследования)».

Основные положения диссертации отражены в 15 публикациях (в том числе 3 публикации в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК, и одна коллективная монография).

Структура работы определены поставленной целью и задачами исследования. Диссертация носит экспериментально-теоретический характер и состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка литературы, включающего 168 источников, и 16 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной проблемы, формулируются цели и задачи исследования, определяется объект и предмет, указывается, в чем состоит научная новизна диссертация, ее теоретическая и практическая значимость, рассматриваются приемы и методы исследования, описывается структура работы.

В первой главе *«Теоретические предпосылки исследования восприятия и вербализации эмотивных составляющих невербальных знаков различной природы»* описываются основные положения исследования эмоций в различных областях знания, рассматриваются функции и свойства эмоций и их классификации, анализируются основные подходы к пониманию эмотивности в языке.

Проведенный обзор работ, посвященных исследованию эмоций, показал неоднозначность взглядов представителей разных наук на природу этого феномена. При философском подходе эмоции рассматриваются как атрибутивное свойство человека, одна из важных сторон личности. Психологи определяют эмоции как побудительные силы психологической деятельности, регулирующие её, а также как реакцию или комплекс реакций, обусловленных когнитивными процессами. С лингвистической точки зрения эмотивность рассматривается как имманентное свойство языка, способное выражать эмоциональные состояния и переживания человека через особые единицы языка и речи.

Разнообразие репрезентаций эмоций на различных уровнях, сложные отношения с предметным содержанием исключают возможность классификации эмоций по одному основанию. Соответственно, существует множество классификаций в зависимости от того, что автор понимает под эмоциями и какие признаки (физиологические, психологические, языковые) лежат в их основе.

Анализ лингвистической и психолингвистической литературы обнаруживает множество научных концепций, претендующих на фундаментальное объяснение эмотивности как лингвистической категории и при этом нередко противоречащих друг другу.

Эмоции, кодируемые тем или иным национальным языком, существуют как ценностное явление человеческого бытия. Социализированные в конкретной культуре, в конкретном социуме, они формируют концепты. Эмоциональные концепты в человеческом сознании, равно как и другие культурные концепты, существуют как определенным образом структурированные сложные знаковые образования. Всякий способ расщудочно-эмоционального освоения мира так или иначе предполагает апелляцию человеческого сознания к его знаковой оформленности. Чувства и эмоции практически невозможно выразить с помощью только одного языкового средства. Эмотивность репрезентируется на различных уровнях языковой системы: фонетическом, морфемном, лексическом,

синтаксическом. При этом установлено, что существуют как универсальные эмотивные средства в разных языках, так и национально специфические.

Во второй главе «Фонетическая система монгольского и русского языков в системно-структурном и перцептивном аспектах» в сопоставительном плане представляются фонетические единицы монгольского и русского языков. Анализ фоносемантических характеристик звукобуквенного состава русского и монгольского языков в работе предваряется сопоставительным описанием их фонетических систем, поскольку различие в языковой организации исследуемых языков может повлиять на результаты последующих психолингвистических экспериментов.

В результате анализа выявлены определенные отличия в качественном характере и количественной представленности данных систем.

Системы гласных фонем монгольского и русского языков различаются, прежде всего, наличием сингармонизма в монгольском языке, спровоцировавшего увеличение состава его гласных, противопоставленных по признаку передний – непередний. Кроме того, специфику составляет присутствие в монгольском языке дифтонгов и долгих гласных.

В системе согласных наблюдается меньшая противопоставленность между языками. Оба языка являются *консонантными*. Способы артикуляции согласных достаточно похожи, что выражается в наличии смычных шумных, фрикативных, аффрикат, сонорных, а также в существовании оппозиции по *глухости – звонкости*. Так, например, в обоих языках с точки зрения способа и места артикуляции полное соответствие находят следующие согласные звуки: /с/, /м/, /н/, /д/. В число основных принципов типологической характеристики фонем входит явление нейтрализации. Характерной особенностью монгольского языка является отсутствие озвончения глухих согласных.

Для того чтобы проанализировать фоносемантические свойства звукобукв монгольского и русского языков, был проведен психолингвистический эксперимент на носителях монгольского языка с использованием метода семантического дифференциала. Результаты данного эксперимента были сопоставлены с данными исследования звукобукв русского языка А. П. Журавлева. В результате анализа фоносемантических характеристик звукобукв двух языков установлено, что ряд гласных и согласных звукобукв в данных языках характеризуется одинаковой модальностью. Так, однородные характеристики получают гласные /а/, /ы/, /у/, согласные /л/, /р/, /х/. Полагаем, что это может быть связано с проявлением универсального звуко-символизма.

Наряду с этим выражается полная рассогласованность звукобукв в исследуемых языках по признакам (например, гласная звукобуква /и/ монгольскими реципиентами определяется негативно, а русскими поло-

жительно; согласная звукобуква /л/ представлена разнородными признаками). Различие оценок по тому или иному признаку может быть объяснено двумя причинами: с одной стороны, системно-структурными особенностями языка и, прежде всего, его фонологической системы, а с другой – вторичной (секундарной) мотивированностью, основанной на влиянии звукобуквенного оформления лексико-семантических единиц в данных языках. Что касается частотности звукобукв в текстах двух языков, то прослеживается достаточное сходство и для гласных, и для согласных.

В целом, результаты данного этапа исследования показывают, что изучение фонетической системы разносистемных языков в системно-структурном и перцептивном аспектах способствует выявлению как сходных черт (возможных универсалий), так и различий (возможных уникалий).

В третьей главе «*Экспериментальное исследование восприятия и окказиональной вербализации эмотивных составляющих зрительных сигналов носителями разносистемных языков в условиях психолингвистического эксперимента*» рассмотрены результаты психолингвистических экспериментов на носителях русского и монгольского языков на опознание и окказиональную вербализацию эмоции на основе фото-стимулов.

В современной психологии одним из доминантных принципов выделения базовых эмоций называют мимические паттерны (В. А. Барабанщиков), таким образом, опознание типа эмоции опирается на ее мимическое представление.

Отбор стимульного материала был осуществлён путем сопоставления наиболее известных психологических концепций, выдвигающих шесть базовых эмоций в классификациях К. Изарда и П. Экмана: *гнев, отвращение, страх, печаль, радость, удивление*. Из шести эмоций только одна маркирована однозначно положительно, четыре – отрицательно. Эмоция *удивление*, с точки зрения ее оценки лексикографическими источниками, не маркирована. Однако приводимые в словарях примеры указывают на возможность противоположной маркировки (*радостное удивление, был неприятно удивлен*). Поэтому в качестве стимулов были отобраны семь эмоций: *гнев, отвращение, страх, печаль, радость, удивление (со знаком +), удивление (со знаком -)*, запечатлённые на фотографиях (фото-стимулы):

- фото-стимул № 1 - выражает положительную эмоцию радость;
- фото-стимул № 2 - положительную эмоцию удивление со знаком «+»;
- фото-стимул № 3 - отрицательную эмоцию печаль;
- фото-стимул № 4 - отрицательную эмоцию страх;
- фото-стимул № 5 - отрицательную эмоцию удивление со знаком «-»;
- фото-стимул № 6 - отрицательную эмоцию гнев;

- фото-стимул № 7 - отрицательную эмоцию отвращение.

В данной главе описаны семь психолингвистических экспериментов, два из которых «прямые», то есть от стимула к реакции, и пять – «обратных», в которых в качестве стимула используются реакции, полученные в ходе прямых экспериментов.

В первом параграфе главы рассмотрены результаты двух прямых экспериментов на носителях русского и монгольского языков.

Цель первого прямого эксперимента состояла в определении способности опознавания эмоций, отражённых на фотографиях, носителями русского и монгольского языков.

Носителям языка предлагались семь фото-стимулов и задание - опознать эмоцию, отраженную на фото-стимуле. В качестве информантов выступили студенты очных отделений гуманитарных факультетов Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина (Россия) в количестве 100 человек и студенты разных курсов Ховдского государственного университета (Монголия) в возрасте от 18 до 22 лет в количестве 100 человек. Инструкция формулировалась на родном языке информантов. Время эксперимента заранее не ограничивалось, однако фактически не превышало 20 минут.

Эксперимент проводился в группах по 5–7 человек. При анализе результатов данного эксперимента требовалось установить: а) уровень опознания предложенной эмоции; б) степень варьирования ответов; в) стратегии, используемые в ответах реципиентов.

Обобщение результатов проведенного эксперимента представлено в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ опознания фото-стимулов носителями русского и монгольского языков по доминирующим реакциям

сти-мул	Эмоция	Доминирующая реакция в русском эксперименте в %	Доминирующая реакция в «монгольском» эксперименте в %
1	радость	радость (84)	радость (82)
2	удивление «+»	удивление (52)	страх (42)
3	печаль	грусть (53)	грусть, печаль (85)
4	страх	гнев (26)	страх (43)
5	удивление «-»	страх (33)	страх (70)
6	гнев	злость (41)	гнев (82)
7	отвращение	отвращение (38)	отвращение (30)

Выявлено, что реципиенты обоих языков распознают эмоции *радость* и *печаль* достаточно точно. При анализе результатов эксперимента по опознанию других эмоций носителями языка используются различные стратегии. Монголоязычные информанты подменяют эмоции их внешними проявлениями (фото-стимул «*страх*» – реакция *кричать*, фото-стимул «*отвращение*» – *хмуриться*, фото-стимул «*те-*

чаль» – плач). Русскоязычные реципиенты заменяют эмоции на их причину (удивление «-» – у дантиста, отвращение – хочет спать, противно ему). Поля эмоций дифференцируются у монголоязычных носителей в значительно меньшей степени, чем у русских: во-первых, практически все эмоции одной модальности имеют связь между собой; во-вторых, если русские носители в качестве доминанты на разные стимулы предлагают различные реакции, то для монгольских информантов эмоциональной доминантой оказывается реакция *страх* (в трех из семи стимулов).

Наряду с этим для носителей обоих языков обнаружены общие стратегии по опознанию эмоций: выявлены контрастные эмоции (для информантов наиболее контрастными эмоциями оказываются *радость* – *печаль* и *радость* – *гнев*) и определены устойчиво коррелирующие эмоции как для монголоязычных, так и для русскоязычных информантов. Эмоции *удивление* «+» и *удивление* «-» не дифференцируются у носителей двух языков с точки зрения оценки. Как правило, они коррелируют с эмоцией *страх*. Как русские, так и монгольские информанты не дифференцируют эмоции по степени (фото-стимул «*радость*» – *счастье*, *страх* – *ужас*). В целом, носители обоих языков оценивают эмоции сходным образом.

Целью второго прямого эксперимента было установить, насколько носители русского и монгольского языков способны передать характер эмоции в форме псевдослова. Материалом послужили те же 7 фотографий, которые использовались на предыдущем этапе. Информанты должны были придумать псевдослово, номинирующее эмоцию, зашифрованную в фото-стимуле. В этом эксперименте участвовали те же носители языка, что и на первом этапе. Таким образом, эксперимент носил цепочечный характер. Побочным следствием явилось то, что информанты могли давать окказиональное наименование как фотографии (невербальному стимулу), так и установленной на первом этапе эмоции (вербальному стимулу).

В результате эксперимента на материале семи фото-стимулов, было получено 700 реакций. 460 реакций из них (для русских 471 реакция) представляет собой псевдослова (например, *млим*, *нба*, *ээнигээ*, *дандри*, *сингрусина*, *грууруу*, *яхба*). Но среди реакций нередко встречаются узуальные и окказиональные единицы в форме междометий и звукоподражаний (*мх*, *хм*, *мм*, *сс*, *ши*, *др др*, *др*, *пис- пис*, *цэ -цэ*, *пэ-пэ*, *ан-ан*, *фц- фц*, *фэ- фэ*, *оо-оо*, *ээ ээ*, *ян ян*, *яа яа*, *ой-ой*, *уваа*, *ваа-ваа*, *эй-эй*, *үү*, *айн*, *аан-ан*, *хн*, *мх*), перестановки слогов: *хайгаж* (удивление) и окказиональные дериваты: *улыбаемость*, *гундил*, *гансан* (грусть). Эти единицы дальнейшему анализу не подвергались.

Псевдослова анализировались по следующим критериям: 1) установление закономерностей звукобуквенной организации реакций на различные стимулы, 2) соотнесение частотности звукобукв в эксперименте с

узуальной; 3) выявление доминирующего в цепочечном эксперименте для информанта фактора (фото-стимул или реакция).

Суммируем результаты данного эксперимента с русскоязычными и монголоязычными носителями:

1. Установлены доминирующие стратегии для окказиональной вербализации:

➤ универсальные в пределах исследуемых языков:

- повторы слогов (для русскоязычных носителей – *химхим*, для монголоязычных – *нинини*); ориентация на образ иноязычного слова (для русскоязычных – *умалумб*, *вильо*, для монголоязычных – *мадлимовкие*); нетипичные для языка сочетания звуков: русскоязычные носители используют дифтонги и дифтонгические сочетания и проявляют сингармонизм (*ойимм*, *аламан*, *ыхмын*); монголоязычные носители используют скопление согласных (*нммаске*, *бтсралто*);

➤ уникальные:

- монголоязычные носители используют нефиксированные неудобные позиции звуков (например, конечные или начальные): *хбахс*, *хрантан*, *орбд* и т.д; используют характерные специфические для монгольского языка фонетические явления: долгие гласные и сингармонизм (*аажээ*, *мбддбдг*,) и т.д. воспроизводят структуру монгольского слова: *аярбалзгангана*, *бдрбм*, *данбах* и т.д;

- русскоязычные используют фиксированные позиции звуков: например, конечная или начальная для *к*: *крак*.

2. Что касается закономерностей звукобуквенной организации, то наблюдается следующее:

- в русских псевдословах наблюдается значительное (в два раза и более) по сравнению с системой языка увеличение гласных звукобукв /a/, /y/ и /u/, значительное уменьшение частотности звукобуквы /e/; в монгольских – гласные звукобуквы /a/ /o/, /y/ используются чаще, чем в узусе, в то же время снижается использование частотных гласных звукобукв /u/, /ö/, /ÿ/.

- в системе согласных в русских псевдословах доля сонорных звуков повышается, значительно увеличена частотность звукобуквы /p/ – доминанты среди согласных, более частотен в псевдословах спирант /ф/; снижается использование самой частотной звукобуквы /m/; в монгольских – увеличивается частотность звукобукв /p/, /x/, /б/ – доминант среди согласных, более частотны в псевдословах взрывные глухие согласные звукобуквы /n/, /к/. Мягкие согласные всех классов редко употребляются и в русских, и в монгольских псевдословах, использование согласных звукобукв /з/, /ÿ/, /ц/, /ч/, /ш/, /щ/ единично в обоих случаях.

- для носителей двух языков реакции на *гнев*, *отвращение* – консонантно ориентированы, однако на *страх* реакции русскоязычных

носителей вокально ориентированы, реакции монголоязычных – консонантно ориентированы;

- при окказиональной вербализации стимулов *гнев* и *страх* высокочастотным оказывается сонант /р/, *грусть* – /н/ как для русскоязычных, так и для монголоязычных носителей. Для русскоязычных носителей положительная эмоция *радости* ассоциируется с мягким сонантом /л'/ и переднерядными звукобуквами /и/, /я/, отрицательные эмоции – с глухими спирантами; для монголоязычных *радость* маркирована гласными /а/, /э/, *страх* и *гнев* – гласными /а/, /о/, /у/.

3. При сопоставлении реакций на различные стимулы было установлено, что в целом при порождении окказионального слова носители обоих языков ориентировались на эмоцию, данную на предыдущем этапе (в эксперименте на соотнесение фото-стимула с эмоцией), а не на зрительный стимул, поэтому большее сходство, как в системе гласных, так и в системе согласных, обнаруживают реакции на сходные по знаку эмоции, зашифрованные в разных фото-стимулах (например, для русскоязычных информантов: *страх* – стимулы 4, 5; для монголоязычных: *гнев* – стимулы 4, 6; *страх* – стимулы 2, 4, 5).

Во втором параграфе данной главы рассмотрены результаты трёх обратных психолингвистических экспериментов, проведенных на носителях монгольского языка с целью выявления особенностей восприятия окказионализмов, а именно 1) оценки псевдослов; 2) соотнесения псевдослова с эмоцией; 3) соотнесения псевдослова с исходным фото-стимулом.

Цель первого обратного эксперимента – установить, соответствует ли эмоциональная оценка информантами псевдослова исходному стимулу – эмоции. В задачу описываемого исследования входила оценка псевдослов (восприятие и интерпретация), полученных в результате прямого эксперимента на носителях монгольского языка, методом семантического дифференциала.

Организация эксперимента оказалась достаточно сложной, поскольку респондентам предлагалось оценить 175 псевдослов, полученных в ходе прямого эксперимента, по нескольким признаковым шкалам. Поэтому эксперимент проводился в 7 этапов и в нем участвовали 350 студентов разных курсов и преподавателей Ховдского государственного университета Монголии: группам по 50 информантов предлагалось по 25 псевдослов. При отборе признаковых шкал (из программы «Ваал») учитывались, в первую очередь, те, которые наиболее ярко отражают эмоции. С этих позиций, весьма актуальными представляются такие характеристики, как *радостный* – *печальный*, *хороший* – *плохой*, *добрый* – *злой*, *безопасный* – *страшный*. По данным антонимичным прилагательным можно проследить, как оценивается данный окказионализм – положительно или отрицательно, и таким образом установить эмоциональные оттенки значения в сознании информантов.

По результатам эксперимента для всех стимулов наиболее ярко маркированы признаки *хороший – плохой, радостный – печальный*. Выявилось отсутствие противопоставленности для всех стимулов положительной и отрицательной эмоции по параметру *безопасный – страшный*.

При оценке отрицательных эмоций нейтральные реакции представлены слабее, чем при положительных: псевдослова, отражающие эмоции *печаль, страх, гнев*, в большей степени передают соотносимые с данными стимулами признаки. В аналогичных экспериментах по восприятию носителями русского языка псевдослов, обозначающих светлые и тёмные оттенки цвета, получены аналогичные результаты: тёмный цвет по сравнению со светлым являлся более маркированным для восприятия носителей языка (Е. Б. Трофимова), что вполне соответствует и полученным в описанных выше экспериментах данным.

Второй обратный эксперимент был проведен с целью определения устойчивости связей между эмоцией и окказиональным псевдословом и верификацией таким образом результатов прямого эксперимента.

В данном эксперименте приняли участие 700 студентов Ховдского государственного университета Монголии. Эксперимент проводился в 7 этапов: 100 респондентам было предложено по 25 псевдослов, полученных по каждому из 7 стимулов в прямом эксперименте. Информантам предлагалось указать эмоцию, которую данное псевдослово обозначает.

По данным эксперимента, соотнесение псевдослов с опознаваемой эмоцией (фото-стимул №1 «радость») высокий процент дали такие псевдослова, как *аярбалзгангана, млимм, нба, аалм, нммаске, бамруг, шагэ-элжээ, майс*. Это совпадает с результатом исследования эмоциональной оценки данных псевдослов, поскольку они были более маркированы как положительные при первом обратном эксперименте. Можно предположить, что высокий процент соотнесения данных псевдослов с эмоцией в этом случае обусловлен тем, что звукобуквы, составляющие эти псевдослова, отражают преимущественно положительные эмоциональные оттенки значения при эксперименте на их восприятие. Что же касается псевдослов, номинирующих фото-стимул №2 («удивление +»), то полная несоотнесённость данных псевдослов с эмоцией проявлена и в первом, и во втором обратном экспериментах. Такой результат двух обратных экспериментов связан с тем, что в сознании человека данная эмоция устойчиво не закреплена за теми или иными языковыми репрезентациями. Большинство псевдослов, полученных на фото-стимул №3, выражающий «печаль»: *бадамжи, боддогширон, нва, сингрусина, мбдндббг, мрсаад, мээз, гинуг, оолоожид, ггсуунааяя, аагуулээрвоог, сортуа* - были соотнесены с эмоцией с высокой степенью определенности. Повидимому, носители ориентированы на акустико-артикуляционный и графический облик псевдослов, который в данном случае оказался достаточно определенным. Что касается звукобуквенного характера данных псевдослов, то обнаружено, что долгие гласные в них встречаются доста-

точно часто. Возможно, долгие гласные более характерны для обозначения пассивных эмоций, поскольку фото-стимул №3 выражает *печаль* как пассивную, отрицательную. Соотнесение псевдослов, номинирующих фото-стимул № 4 («страх»), с эмоцией, маркировано в не меньшей степени: например, опознаны такие псевдослова, как *дорсуоркс*, *зруруу*, *алмаширак*, *аврот*, *селнхбунр*, *шируу*, *ххрахаа*, *руаурэ*, *язкоа*, что обусловлено эмоциональными оттенками значения доминирующих в них звуков, таких как согласный /p/, заднеязычный /x/, /к/, заднерядные гласные /y/, /o/. Очевидно, что в данном случае носители языка опирались на свойства, присущие доминирующей звукобукве /p/, поскольку она оценивается отрицательно носителями языка. По результатам исследования звукоизобразительных слов акустико-артикуляционное свойство согласного /p/ способствует выражению в монгольском языке признаков, в большинстве случаев связанных с внутренним дискомфортом, неприятными ощущениями и чувствами: *громкость*, *яркость*, *боль*, *холод*, *страх*, *стыд*, *гнев*, *зависть* и др. [Сундуева, 2011], что соответствует результатам данного исследования. Процент соотнесения псевдослов, вербализующих фото-стимул № 5 («удивление -»), в среднем не превышал 30%. Тем не менее, небольшой список слов, высоковероятно соотносимый с исходной эмоцией, в эксперименте проявился. Для фото-стимула №6 («гнев») и 7 («отвращение») соотнесение псевдослов с обозначенной ими эмоцией вполне частотно. В этих псевдословах доминируют неудобные для произношения скопления согласных (например, *пдцангоаисхрэйиб*, *бкэдл*, *тфцу*).

Третий обратный эксперимент был проведен с целью установления связи окказиональной вербализации с фото-стимулом. В эксперименте приняли участие 700 реципиентов – студенты разных курсов Ховдского государственного университета (Монголия). 100 респондентам было предложено по 25 псевдослов, полученных по каждому из 7 стимулов в прямом эксперименте. Информантам предлагалось установить номер фото-стимула, отвечающего значению данного псевдослова.

Общий анализ результатов данного эксперимента не позволил выявить особенности соотнесения псевдослов с фото-стимулом, поскольку во всех случаях средний процент соответствия оказался невысоким, но, тем не менее, не нулевым.

В целом, исходя из результатов анализа обратных экспериментов на восприятие окказионализмов, можно сделать следующие общие выводы:

1. Результаты обратного эксперимента на определение эмоциональной оценки псевдослов показывают, что проявляется достаточно высокая степень корреляции между оценкой информантами эмоции и выбором псевдослова, ее обозначающего. По параметрам, отражающим противопоставленность эмоций на два класса – положительные и отрицательные, большая соотнесённость прямого и обратного экспериментов наблюдается в отношении отрицательных эмоций.

2. Высокий процент соотношения окказиональной вербализации с эмоцией в большинстве случаев обусловлен тем, что носители языка при анализе псевдослов опираются на эмоциональные оттенки значения составляющих их звукобукв. Скорее всего, опознание псевдослов носителями данного языка связано с наличием внутриязыковых иконических признаков в них, то есть тех или иных эмоциональных признаков в составляющих их звукобуквах.

3. Процесс соотношения псевдослов с фото-стимулом носит сугубо индивидуальный характер, поскольку в среднем процент соответствия оказался невысоким.

В третьем параграфе данной главы рассмотрены результаты экспериментов на восприятие псевдослов иноязычными носителями (русскими монгольских реакций и монголами русских реакций).

Эти эксперименты проводились с целью установить универсальный или национально специфичный характер псевдослова. В ходе эксперимента 50 носителям русского языка (студенты АГАО им В.М. Шукшина, Россия) и 100 – монгольского языка (студенты Ховдского государственного университета, Монголия) были представлены в аудиозаписи отобранные псевдослова, полученные в прямых экспериментах на материалах фото-стимулов. Для эксперимента отбирались только псевдослова, получившие высокий процент опознавания эмоций носителями родного языка. Стимулы были разбиты на 3 группы в зависимости от того, какие эмоции были ими выражены по результатам обратного эксперимента носителями данного языка. Каждой группе испытуемых было предложено определить, какую из данных эмоций (*печаль – радость; печаль – гнев; гнев – отвращение* или *страх*) выражает то или иное псевдослово. Эксперимент проводился в группах по 15-20 человек, одна анкета включала не более 25 слов.

В результате эксперимента с русскоязычными носителями в группе таких противопоставленных эмоций, как *радость* и *печаль*, была более четко маркирована положительная эмотивная семантика псевдослов, а именно *радость*. Средний процент опознавания такого рода реакций составил более 57%. В группе однородных отрицательных эмоций, как *гнев* и *отвращение*, уровень опознавания эмотивной семантики составил более 60%. В группе отрицательных эмоций *печаль – гнев* наблюдается разброс опознавания эмотивной семантики данных псевдослов. Только 2 слова: *мббндббг, хрэну* были точно соотношены многими информантами.

По данным эксперимента с монголоязычными носителями в группе противопоставленных эмоций *радость – печаль* были опознаны все псевдослова, кроме слова *ультъя*. Средний процент опознавания маркированных псевдослов составил более 73,55 %. В группе однородных отрицательных эмоций, таких как *гнев* или *печаль*, уровень восприятия эмотивной семантики был достаточно высок. Средний процент опознавания составил более 65 %. По-видимому, псевдослова данных групп обладают

высокой степенью иконичности, что способствует их опознанию. Так, русские псевдослова *ляки, ляляпа, ляля, виви, грбат, хрост, рыр* легко идентифицируются иноязычными носителями.

Результаты данного эксперимента представляются наиболее интересными, так как при восприятии иноязычных окказиональных единиц узнаваемость оказывается достаточно высокой, и в обоих экспериментах степень опознания псевдослов составила от 60% до 75%. Возможно, это объясняется тем, что коннотации составляющих их звукобукв имеют универсальный характер, то есть наличием в них межъязыковых иконических признаков.

В четвертой главе «Экспериментальное исследование восприятия и окказиональной вербализации эмотивных составляющих музыкальных фраз носителями разносистемных языков в условиях психолингвистического эксперимента» были описаны прямые эксперименты на носителях русского и монгольского языков на вербализацию эмотивной составляющей музыкальных сигналов, дана интерпретация полученных результатов, представлены результаты обратного эксперимента на носителях указанных языков на опознание эмотивной семантики вербальных единиц, полученных в прямом эксперименте. Кроме этого, на материале русского языка результаты были верифицированы с помощью программы «Ваал-мини». Необходимость использования подобного материала обусловлена поиском общих закономерностей проявления иконических свойств языка через призму восприятия не только визуальных, но и звуковых невербальных стимулов, передающих те или иные эмоции.

Отметим, что здесь, в отличие от экспериментов с фотографиями, расстояние от стимула до реакции заметно увеличивается, поскольку восприятие эмотивного содержания музыкального произведения, как правило, интерпретационно.

В рамках данной части работы проводилось экспериментальное исследование процесса окказиональной вербализации эмотивных составляющих *музыкальных фраз* (термин заимствован из музыковедения (Б. В. Асафьев)). В настоящем исследовании под такой структурой понимается сочетание двух музыкальных звуков (в терминах музыковедения – *аккордов, септаккордов*), имеющее особое выразительное значение и вызывающее определенные эмоции.

Поскольку перечень базовых эмоций был разработан с опорой на мимические знаки, он не может быть использован в эксперименте с музыкальными фразами – принципиально иными стимулами. Для этого нами был использован достаточно длинный список наименований эмоций В.Ф. Матвеева, различающихся по знаку, интенсивности, направленности «на себя» – «на других»: *удовольствие, радость, ликование, восторг, симпатия, восхищение, умиление, нежность, любопытство, удивление, изумление, неудовольствие, горе, скорбь, тоска, печаль, грусть, отчаяние, огорчение, тревога, испуг, страх, досада, гнев, возмущение, негодо-*

вание, ненависть, неприязнь, злость, ужас, ярость, презрение, отвращение, омерзение.

Далее эмоции были распределены по 7 группам, в каждой из которых были номинации одинаковых по знаку эмоций, различающихся только степенью их интенсивности (от слабой к сильной). Группировка эмоций была создана интроспективным путем (в качестве экспертов выступили три преподавателя музыки Алтайской государственной академии образования им. В.М. Шукшина).

После этого с помощью программы Adobe Audition были смоделированы 7 музыкальных фраз, состоящих из 7-ми септаккордов с последующим разрешением в то или иное трезвучие. Описание стимулов дается по авторитетному музыкаловедческому изданию Н. Римского-Корсакова. Все семь звуковых сигналов имели одинаковую длительность, интенсивность (громкость), темп, тембр (звучание одного и того же инструмента), а отличались только составом аккордов (т.е. мелодикой). Возможные эмоциональные реакции на данные музыкальные фразы были определены интроспективным путем в ходе аудитивного анализа и распределены по 7-ми группам эмоций (теми же экспертами, что и на этапе группировки эмоций):

- музыкальная фраза №1 (разрешение уменьшенного септаккорда в доминанту тонического трезвучия) предположительно должна была вызывать *возмущение, негодование, злость, гнев, ярость;*

- музыкальная фраза №2 (разрешение уменьшенного септаккорда в тоническое минорное трезвучие) предположительно должна была вызывать *неудовольствие, досаду, отчаяние, огорчение, грусть, печаль, тоску, горе, скорбь;*

- музыкальная фраза №3 (разрешение малого вводного септаккорда в тоническое мажорное трезвучие) предположительно должна была вызывать *нежность, умиление, восхищение;*

- музыкальная фраза №4 (разрешение уменьшенного септаккорда в минорное трезвучие от терции) предположительно должна была вызывать *неприязнь, отвращение, ненависть, презрение, омерзение;*

- музыкальная фраза №5 (уменьшенный септаккорд с разрешением в тоническое мажорное трезвучие) предположительно должна была вызывать *удовольствие, радость, восторг;*

- музыкальная фраза №6 (разрешение уменьшенного минорного септаккорда в минорное трезвучие) предположительно должна была вызывать *тревогу, испуг, страх, ужас;*

- музыкальная фраза №7 (разрешение нонаккорда в мажорное трезвучие) предположительно должна была вызывать *любопытство, удивление, изумление.*

Итак, *цель исследования* – провести прямые эксперименты по вербализации эмотивных составляющих указанных стимулов носителями

русского и монгольского языков, а также обратные эксперименты на опознание эмотивной семантики полученных вербальных реакций.

В прямых экспериментах приняли участие 70 русскоязычных (студентов АГАО им. В.М. Шукшина) и 70 монголоязычных испытуемых (студентов Ховдского университета, Монголия). Испытуемым был предъявлен список из вышеуказанных семи групп эмоций. Информантам предлагалась следующая инструкция: *«Определите Ваше впечатление от каждой прослушанной Вами музыкальной фразы, поставив ее номер над соответствующей эмоцией. Обратите внимание, что в каждом ряду эмоции расположены в порядке возрастания интенсивности»*.

Второе задание было связано с окказиональной вербализацией тех эмоций, которые были вызваны той или иной музыкальной фразой. Формулировка задания была следующей: *«Представьте, что вы первобытный человек и не знаете никакого языка. Передайте эмоции, возникающие при прослушивании каждой музыкальной фразы, через несуществующее слово, созданное именно вами»*.

Результаты экспериментов позволяют сделать вывод, что эмоциональная модальность (положительная или отрицательная) большинства стимулов верно опознавалась носителями русского и монгольского языков. Наиболее однозначные оценки получили стимулы №3 и №7, которые, по мнению носителей языка, выражают положительные эмоции. Очевидно, что положительная реакция (*радость*) опознается лучше, чем отрицательные. Стоит согласиться с выдвинутым в предыдущей главе тезисом о том, что система отрицательных эмоций богаче положительных, поэтому репрезентанты положительных эмоций легче опознаются. Однако разброс в оценках других эмоций позволяет заключить, что восприятие музыкальных сигналов носит ситуативный характер. Также, возможно, испытуемые испытывают трудности в определении эмоции, возникающей при прослушивании музыкальных фраз.

В результате выполнения второго задания эксперимента мы получили 490 реакций – окказионализмов. Испытуемые, как и в эксперименте с фото-стимулами, использовали различные стратегии уклонения от поставленной задачи. Такие «забракованные» реакции не использовались при дальнейшем анализе. Отбор реакций базировался на том же принципе, что и в эксперименте с фото-стимулами: это отсутствие прозрачных ассоциаций со словом.

В результате нами было получено 390 псевдослов от носителей русского языка и 360 от носителей монгольского (например, русские *ырымх, амынч*, монгольские *мнглаа, магнилху*). Нами проанализирован звукобуквенный состав разных категорий лексических единиц для выявления тенденции в организации звуковой структуры псевдослов.

Установлено, что носители монгольского языка, так же как и носители русского, чаще всего «апеллируют» к системе родного языка: образуют окказионализмы от узуальных языковых единиц (в обоих экспери-

ментах – чаще от междометий), используют известные слова, а в псевдословах преобладают высокочастотные для языка звукобуквы.

В употреблении гласных звукобукв (и в русских и в монгольских псевдословах) не наблюдается устойчивой корреляции с той или иной эмоцией (однако могут дифференцироваться, например, вербализованные положительные и отрицательные эмоции на уровне частотности употребления отдельных звукобукв). Например, в русских псевдословах частотность употребления гласных звукобукв /a/, /ю/, /я/ возрастает при вербализации мажорных эмоций; частотность употребления передних /u/, /e/, /э/, /o/, /ы/, /у/. В монгольских псевдословах частотность употребления гласных /u/, /e/, /o/, /ö/ возрастает при вербализации мажорных эмоций (в отличие от русских псевдослов); остальные звукобуквы с приблизительно равной частотностью использовались в псевдословах с разной эмоциональной окраской.

В звукобуквенной организации псевдослов наблюдается тенденция к использованию отдельных классов согласных как для процессов вербализации в целом (твердые сонорные, глухие твердые спиранты, твердые глухие взрывные - и для русских и для монгольских псевдослов; мягкие сонорные, твердые звонкие взрывные – для монгольских псевдослов), так и для вербализации отдельных стимулов. Результаты эксперимента во многом коррелируют с результатами экспериментов по вербализации формы, проведенными на материале русского языка Е. Ю. Филипповой, и с результатами в экспериментах на вербализацию фото-стимулов.

На следующем этапе исследования были проведены *верифицирующие (обратные) эксперименты* на носителях обоих языков.

Первый обратный эксперимент направлен на опознание эмоциональной семантики полученных псевдослов на носителях русского и монгольского языков. В данном обратном эксперименте участвовали 240 русскоязычных и 200 монголоязычных носителей. Группе испытуемых было предложено определить, какую из эмоций (*печаль – страх; изумление – радость; печаль – радость; тревога – страх*) выражает то или иное псевдослово. Стимулы были разбиты на 4 группы в зависимости от того, какие эмоции были ими выражены (по результатам прямого эксперимента).

Выбор именно таких пар обусловлен контрастностью данных эмоций (*печаль-страх* (реализуют дихотомию «пассивность – активность»), *изумление – радость* (реализуют дихотомию «направленность на объект – на себя»), *печаль – радость* (реализуют дихотомию «положительное – отрицательное»), *тревога – страх* (градация одного эмоционального состояния, усиление)). Каждой группе испытуемых (в среднем по 60 человек) был предъявлен список из 12 стимулов на каждую из 4 групп эмо-

ций: по 6 псевдослов и 6 окказиональных звукоподражаний на каждую эмоцию.

По результатам эксперимента на носителях русского языка процент опознания эмотивной семантики псевдослов и окказиональных звукоподражаний оказался небольшим (в среднем 48 %). Немного четче определялась эмотивная семантика в группе *печаль – страх* (в среднем опознано 54,75 % псевдослов) и *печаль – радость* (опознано 52,5 %). В группе *тревога – страх* процент опознания оказался ниже и составил 46,4 %, а в группе *изумление – радость* – 39,8 %. Процент опознания эмоций всех групп носителями монгольского языка оказался равномерным и колеблется от 46 до 50%.

Таким образом, средний процент опознания эмотивного значения псевдослов носителями двух языков колеблется приблизительно от 45 до 55%, что позволяет говорить о возможной случайности результатов.

Второй обратный эксперимент был проведен с иноязычными носителями на материале окказионализмов с целью установить универсальный или национально специфичный характер реакции. Информантам были предложены псевдослова, созданные иноязычными носителями (русскоязычным носителям – монгольские псевдослова, монголоязычным – русские псевдослова). Каждой группе испытуемых было предложено определить, какую из данных эмоций (*печаль – страх; изумление – радость; печаль – радость; тревога – страх*) выражает то или иное псевдослово. В данном эксперименте были использованы те же псевдослова и группы эмоций, которые были отобраны в предыдущем обратном эксперименте.

В результате данного эксперимента наблюдаются случаи устойчивой корреляции формы псевдослова и выражаемой им эмоции: русские *ту уу ооо* (печаль), *ирабис* (страх) и монгольские окказионализмы *амн* (радость), *гламно* (радость) получили однозначную интерпретацию разных групп испытуемых в первом обратном эксперименте. В данном обратном эксперименте (с «иноязычными» псевдословами) носителями обоих языков в большинстве случаев эмотивная семантика окказионализмов была опознана верно.

Третий обратный эксперимент был направлен на исследование фоносемантических свойств русских псевдослов с помощью программы «Ваал-мини». Результаты данного этапа исследования показывают, что не все русские окказионализмы были «придуманы» носителями языка с опорой на фоносемантику составляющих их звуков (например, в псевдослове *вилань* вербализована эмоция *печаль*, однако программа акцентирует «мажорные» характеристики: *безопасный, радостный, веселый*). В несколько большей степени фоносемантика звуков проявилась при вербализации эмоции *радость*, поскольку окказионализмы *ласич, и... - а..., дард* в процессе их анализа с помощью программы «Ваал-мини» получили те же эмоциональные характеристики.

Можно предположить, что вследствие недискретного восприятия звукового сигнала окказиональная вербализация музыкальных фраз носит ситуативный и индивидуальный характер, что препятствует раскрытию эмотивной семантики окказиональных единиц.

Проведенное исследование показало, что выбор стратегий при восприятии и окказиональной вербализации стимулов различной природы практически не зависит от языковой принадлежности носителей. Отсюда можно предположить, что данные процессы базируются на внеязыковых ментальных механизмах, связанных с функциями высшей нервной деятельности.

Несмотря на различный характер восприятия эмоций в зависимости от природы стимулов, нам всё-таки удалось выявить как универсальные, так и сугубо этнические моменты в протекании данного процесса, которые отражены как в положениях, выносимых на защиту, так и в выводах по главам 3 и 4.

Данное исследование позволяет говорить о том, что иконические свойства межъязыкового характера, по-видимому, имеют природу, по крайней мере, приближенную к универсальной, поскольку во многих экспериментальных исследованиях на материале разносистемных языков и стимулов различной природы (М. Э. Сергеева, Е. Ю. Филиппова, Е. В. Панькина, В. Ю. Вашквичус) установлена достаточно высокая значимость межъязыкового иконизма.

В **Заключении** излагаются результаты проведенной работы, указываются сложности, возникшие в ходе исследования, обозначаются перспективы дальнейших изысканий в этой области.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Монографии:

1. Трофимова, Е. Б. Узуальное и окказиональное семиотическое пространство эмоций [Текст]: коллективная монография / Е. Б. Трофимова, У. М. Трофимова, М. Э. Сергеева, М. С. Власов, Е. Ю. Филиппова, Т. Одончимэг. – Уланбатор - Бийск: Соёмбо-принтинг, КРАСАНД, 2011. – 292 с.

Публикации в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ:

2. **Одончимэг, Т.** Экспериментальное исследование окказиональной вербализации эмоций носителями монгольского языка [Текст] / Т. Одончимэг // Мир науки, культуры, образования. – 2009. - №7 (19). – С. 42-44.

3. **Одончимэг, Т.** Эмотивная семантика окказионализмов, полученных в ходе психолингвистического эксперимента [Текст] / Т. Одончимэг // Вестник Томского государственного университета. - 2010. - № 340. – С. 23-27.

4. **Одончимэг, Т.** Окказиональная вербализация эмоций при восприятии видео-стимулов носителями разносистемных языков в условиях психолингвистического эксперимента [Текст] / Т.Одончимэг // *Филология и человек*. – 2011. - №2. – С. 155-162.

Публикации в других изданиях:

5. **Одончимэг, Т.** К проблеме окказиональной вербализации эмотивной семантики музыкальных сигналов (на материале русского и монгольского языков) [Текст] / Т.Одончимэг, М.С. Власов // *Актуальные проблемы современного словообразования: Материалы первого международного симпозиума*. - Кемерово: Изд-во КемГУ, 2009. – С. 68-74.

6. **Одончимэг, Т.** Восприятие и порождение эмоций «печаль» и «радость» носителями монгольского языка [Текст] / Т.Одончимэг// *Сборник научных статей Ховдского государственного университета*. - №2. – Уланбатор: Изд-во Соёмбо принтинг, 2009.– С. 123-126.

7. **Одончимэг, Т.** К проблеме восприятия эмотивной семантики неречевых сигналов [Текст] / Т.Одончимэг // *Сборник научных статей Ховдского государственного университета*. - №2. – Уланбатор: Изд-во Соёмбо принтинг, 2009.– С. 146-150.

8. **Одончимэг, Т.** К проблеме изучения фонетического значения звуков монгольского языка [Текст] / Т.Одончимэг// *Методика преподавания иностранных языков: Научный журнал*. - №23. – Уланбатор: Изд-во МПГУ, 2010. - С.21-23.

9. **Одончимэг, Т.** Стратегии окказиональной вербализации эмотивной составляющей музыкальных фраз носителями монгольского и русского языков [Текст] / Т.Одончимэг, М.С.Власов // *Язык, культура и межкультурная коммуникация: Материалы II Международной научно-практической конференции*. – Уланбатор: Изд-во Соёмбо принтинг, 2010. - С. 91-101.

10. **Одончимэг, Т.** К проблеме экспериментального исследования фонетической значимости звукобукв монгольского и русского языков [Текст] / Т.Одончимэг // *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: Материалы Международной научно-практической конференции*. Выпуск I. Системно-структурная и антропоцентрическая типология языка. – Бийск: АГАО им. В.М. Шукшина, 2010. – С. 189-193.

11. **Одончимэг, Т.** Эмотивная семантика окказиональных языковых единиц в сознании носителей русского и монгольского языков [Текст] / Т.Одончимэг // *Проблемы современной лингвистики и методики преподавания языковых курсов: Материалы Международной научно-практической конференции (7-8 Июля 2010 г.)*. - Кемерово: Изд-во КемГУ, 2010. – С. 281-283.

12. **Одончимэг, Т.** Фонетическая система монгольского и русского языков в функциональном и перцептивном аспекте [Текст] / Т.Одончимэг // *Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Материалы Международной конференции (20-*

21 августа 2011 г.). – Ховд-Томск: Изд-во Соёмбо принтинг, 2011. – С. 256-266.

13. **Одончимэг, Т.** Окказиональная вербализация эмоций носителями монгольского и русского языков (на материале фрагментов из фильмов) [Текст] / Т.Одончимэг // Вестник Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. - Барнаул: Изд-во АлТГУ, 2010. - № 1-2. – С. 121- 127.

14. **Одончимэг, Т.** Исследование фонетической системы монгольского и русского языков в функциональном аспекте [Текст] / Т.Одончимэг // Культура, язык, институты гражданского общества коренных народов России: возрождение, сохранение и развитие в этнокультурном контексте Сибирского региона: Материалы Международной научно-практической конференции (15-18 сентября 2011 г). – Бийск: АГАО им. В.М. Шукшина, 2011. – С. 39-43.

15. **Одончимэг, Т.** Окказиональная вербализация эмотивных составляющих неречевых знаков носителями монгольского языка [Текст] / Т.Одончимэг // Вестник молодых ученых: Сборник научных статей. - Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2010. - №7. - С.42-49.

Подписано в печать 12.02.2013. Объем – 1,5 уч.-изд. л.
Формат 64x80/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Тираж 120 экз. Заказ 1202.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом “Бия”»
659333, г. Бийск, пер. Муромцевский, 2
(3854) 33-25-50